

А. С. Богданенков

**Концепция «власти небесной»
как основополагающий мотив философии
истории в книге пророка Даниила¹**

Которые тут временные?

Слазь!

Кончилось ваше время.

(Владимир Маяковский, из
поэмы «Хорошо!»)

Жизнь в эпоху перемен

Жизнь на разломе времён, когда старое изжило себя, а новое ещё сокрыто, потерянность и дезориентация, странствование где-то между «уже нет» и «ещё нет», осознание образовавшейся пустоты, грозящей тебя поглотить – есть ли что-нибудь более трудное? «Не дай вам бог жить в эпоху перемен» – как-то заключил Конфуций, познавший на собственном опыте превратности судьбы, переживший кризис политического строя и крушение жизненных устоев. И он был не одинок в своей оценке метаморфоз истории. К примеру, подобные мысли высказывал и известный русский мыслитель Николай Бердяев. В своей книге «Самопознание (Опыт философской автобиографии)» он пишет: «Мне пришлось жить в эпоху катастрофическую и для моей Родины, и для всего мира. На моих глазах рушились

¹ Начало. Продолжение в следующих выпусках

целые миры и возникали новые. Я мог наблюдать необычайную превратность человеческих судеб. Я видел трансформации, приспособления и измены людей, и это, может быть, было самое тяжелое в жизни»¹.

Но в нашей ли власти выбирать время и место обитания? Нет! Однако только от нас зависит то, как мы отнесёмся к данности кризиса, в окружении которого нам выпало жить. В наших силах осознать образовавшуюся пустоту, осмыслить случившееся, проанализировать причинно-следственные связи и сложившиеся предпосылки, и дать объяснение произошедшему. В хаотической неразберихе смутного времени, среди всеобщей растерянности и творческого оцепенения, прибегнув к помощи воображения, мы можем отыскать жизненно необходимые ответы. Таким образом, поворотный пункт истории, смертельно опасный по своей природе, может стать отправной точкой для новой, качественно лучшей жизни.

Знаменитый французский философ Поль Рикёр, обобщив в своей книге «История и истина» опыт исследования истории, изданный в двенадцатитомном труде Арнольда Тойнби «Постижение истории», написал: «Каждая цивилизация, по его мнению, характеризуется *ситуациями* (здесь и далее выделено автором), которые по отношению к ней выступают в качестве *вызовов* (неблагоприятные погодные условия, размеры континента, перенаселенность, религиозные и языковые различия, классовая борьба и др.); каждый вызов – это как бы загадка, заданная сфинксом: отвечай – или тебя съедят; цивилизация представляет собой совокупность ответов на эти вызовы; пока внутри цивилизации существуют очаги творчества, способные «давать ответы», она живет; если же цивилизация без конца повторяет одни и те же ответы и не в состоянии придумать что-то новое, соответствующее возникающим проблемам, она умирает».²

¹ Бердяев, Н. А. *Самопознание (Опыт философской автобиографии)* / Н. А. Бердяев. М.: Международные отношения, 1990. С. 9.

² Рикёр, П. *История и истина* / П. Рикер. СПб: Алетейа, 2002. С. 105.

В истории Израиля и Иудеи функцию источника воображения исполняли пророки. Пророческое призвание, как отмечает Уолтер Брюггеман, как раз-таки и состояло в том, чтобы «поддерживать огонь воображения, постоянно открывать и предлагать будущие перспективы, альтернативные тому единственному будущему, которое навязывает царь»¹. Пророки озвучивали неудобные и опасные для действующего истеблишмента вопросы, пробуждая усыпленный пропагандой царской идеологии люд, и указывали на ответы. Облекая будоражащие сознание метафоры в слова – единственное имеющееся в их распоряжении оружие, – они критиковали и дарили надежду, оглашали приговоры и проповедовали о прощении, произносили проклятия и возвещали благословения. Духовная стагнация политических лидеров и вражеская интервенция, с одной стороны, были временем, когда прошлое предавалось забвению, а будущее находилось под угрозой, с другой – величайшим вызовом для пророческого воображения.

В период, который Карл Ясперс называет осевым временем, на рубеже VII и VI веков до Р. Х., на территории Ближнего Востока велась война между двумя мощными державами: Вавилоном и Египтом. Маленькая Иудея была буферным государством, оказавшимся в эпицентре борьбы египетского фараона Нехао и вавилонского царя Навуходоносора. Всего лишь за четверть века, в промежутке между гибелью славного представителя давидической монархии Иосии (609 год до Р. Х.) и пленением Седекии (586 год до Р. Х.), Иудея множество раз меняла свою внешнюю политику, склоняясь к союзу то с южным соседом, то с северным. Пророк Иеремия, осуждая подобные действия правящей верхушки, говорил: «Что же бродишь ты непрерывно, то в одну сторону, то в другую?» (Иер. 2:36)².

¹ Брюггеман, У. *Пророческое воображение* / У. Брюггеман. Черкассы: Коллоквиум, 2012. С. 95.

² Здесь и далее библейские цитаты приводятся в современном переводе по изданию: *Библия. Современный русский перевод*. М.: РБО, 2011.

Проегипетская внешняя политика, которую исповедовала подавляющая часть знати, привела иудеев к катастрофе национального масштаба: в 586 году до Р. Х. Иерусалим был разрушен войсками Навуходоносора. Храм – дом Божий, центр земли обетованной, сердце политической и религиозной жизни, символ свободы, средоточие веры и надежды, – был сожжён. Иерусалим, престольный град, город мира, в результате восемнадцатимесячной осады пал. Улицы некогда славной столицы были устланы мёртвыми телами её жителей и залиты кровью её подданных. Царская династия, правившая в Иудее более четырёхсот лет, лишилась трона. Последнее, что увидел сверженный монарх, – была казнь его собственных сыновей. Священники, духовные вожди народа, были убиты. Земля молока и мёда, некогда обещанная Аврааму и данная на вечное пользование его потомкам, стала трофеем завоевателей. Народ, насильно отведённый в плен, был обречён на рабство и жизнь вдали от родины. Национальная катастрофа поставила иудеев перед лицом жизни и смерти. Как сохранить национальную самобытность? Как не раствориться, подобно многим народностям, исчезнувшим с лица земли? В чём найти опору? Прежде чем обратиться к исследованию того, какие ответы нашли пророки на поставленные выше вопросы, мы рассмотрим, как в целом в древности воспринималась история.

История, философия истории и теологическое осмысление истории

«Любая история – точнее, любая историография, всякий исторический труд – представляет собой сложное переплетение фактов с их интерпретациями, эмпирически наблюдаемых явлений – с их угадываемыми или конструируемыми значениями»¹. Однако историк историку рознь: труды одних примечательны точностью фактов, последовательностью описываемых событий, глубиной мысли,

¹ Бокэм, Р. *Иисус глазами очевидцев. Первые дни христианства: живые голоса свидетелей* / Р. Бокэм. М.: Эксмо, 2011. С. 23.

возвышенностью стиля, плавностью переходов и красотой слога, и потому достойны внимания, в то время как труды других не заслуживают того, чтобы на них тратить время. По этому поводу ещё Лукиан в своём труде «Как следует писать историю» заметил: «Большинство ... считает, что писать историю – дело совсем легкое, простое и доступное каждому, кто только может изложить все, что ему придет в голову. Но ты, конечно, и сам знаешь, мой друг, что это дело трудное и не такое, которое можно сделать с плеча; как и всякое другое дело в литературе, оно требует наибольшей работы мысли» (Лукиан. *Как следует писать историю*, 5)¹.

Однако главный вопрос истории сводится не к манере или стилю её изложения, но к назначению и целесообразности. Историк, взявшийся за описания событий прошлого, в первую очередь должен ответить на вопрос, зачем он пишет, и лишь потом – для кого он это делает и какова его система предпочтений. История, как её понимали древние греки, имеет два основных назначения: во-первых, педагогическое и, во-вторых, познавательно-развлекательное. Эрнст Трельч, влиятельный немецкий теолог и философ, отмечает, что эллины использовали историографию для «объяснения пережитых политических процессов, из которых можно вывести определённые практические учения или как выражение радости и удовольствия от открытий, испытываемых путешественником, мудро сравнивающим родину с чужбиной»².

Яркие светила античной истории: Геродот, Фукидид, Ксенофонт, Полибий во главу угла своих произведений ставили фактологическую сторону дела, то есть соответствие описанного произошедшему. Девиз древних историографов, призывавший к аккуратному использованию

¹ Лукиан Самосатский. *Сочинения. В 2 т.* / Лукиан Самосатский. Под общ. ред. А. И. Зайцева». СПб.: Алетея, 2001. Т. 2.

² Трельч, Э. *Историзм и его проблемы* / Э. Трельч. М.: Юрист, 1994. С. 18.

источников и фактов, гласил: «Не добавляя и не опуская ничего».

Первостепенное значение в исторических изысканиях отводилось личному визуальному опыту, непосредственному знакомству автора с описываемыми им событиями и сбору необходимого материала через расспрашивание многочисленных очевидцев. В этом смысле античные историки напоминают нам художников-баталистов, которые писали свои картины, находясь непосредственно в гуще военных событий. Основоположник всеобщей истории Полибий утверждает: «Зрение гораздо правдивее слуха, ибо глаза более точные свидетели, чем уши» (Полибий. *Всеобщая история*, XII, 27)¹. А вот что на сей счёт пишет Лукиан Самосатский: «Самый же состав изложения надо собирать не случайно, но трудолюбиво и тщательно обсуждая всё по несколько раз; лучше всего брать только то, при чём сам присутствовал и что сам наблюдал. Если же это невозможно, то слушая тех, кто наиболее беспристрастно рассказывает и о ком можно предполагать, что он из любви или вражды ничего не умолчит и не прибавит к действительности. Здесь историку нужно особое чутье и дар сопоставлять, чтобы находить то, что наиболее заслуживает доверия» (Лукиан. *Как следует писать историю*, 47). Именно поэтому историки античности ограничивались описанием исторических событий имевших место на их веку. Фукидид довольствуется описанием Пелопонесской войны, Полибий, создавая свою всеобщую историю, ограничивается промежутком времени в семьдесят пять лет (с 220 года до Р. Х. по 146 год до Р. Х.), Посейдоний дописывает начатую Полибием историю до 60 года до Р. Х., а Страбон, в свою очередь, доводит описанное до 30 года до Р. Х.

Кабинетные исследования, опирающиеся на изучения письменных источников, считались низкопробными и недостойными внимания. «Тщательное изыскание требует большего труда и издержек, – заключает Полибий, выявляя разницу между написанием трудов по истории, сидя за

¹ Полибий. *Всеобщая история*. В 2 т. / Полибий. М.: АСТ, 2004.

книгами в библиотеке и исходя из опыта непосредственного участия в описываемых событиях, – зато оно и пользу приносит бóльшую, и даёт самую ценную часть истории» (Полибий. *Всеобщая история*, XII, 27). Вслед за рассуждением о методе исторических исследований Полибий риторически вопрошает: «Что дороже и хлопотливее: или, сидя в городе, собирать сочинения, изучать по ним нравы лигурдов и кельтов, или посетить очень многие народы и наблюдать их на месте?» (Полибий. *Всеобщая история*, XII, 28). Думается, что ответ очевиден: сидеть за стопкой книг, значительно безопаснее и куда дешевле, нежели путешествовать по неизведанным краям или участвовать в военных сражениях. Обращаясь к античной историографии, мы видим, что, к примеру, Геродот, которого Цицерон называл «отцом истории», был человеком весьма любознательным, много путешествующим и много общающимся, а Фукидид, написавший историю Пелопонесской войны, был её непосредственным участником и очевидцем.

Геродот в самом начале своего труда, прежде чем обозначить его цель, излагает свою методологию исследования: «Геродот из Галикарнаса собрал и записал эти сведения»¹. На первых порах повествования он эксплицитно ссылается на избранный им метод исследования: «По словам сведущих среди персов людей...» (Геродот. *История*, I, 1), «... говорят персы...», «...рассказывают они...» (Геродот. *История*, I, 2), «...по мнению персов...», «...по словам персов...» (Геродот. *История*, I, 4) и т.д. Фукидид в своей «Истории» говорит об избранной им методологии в контексте обоснования целесообразности своего труда: «на основании проверенных и оказавшихся убедительными свидетельств я пришёл к выводу» (Фукидид. *История*, I, I, 3)².

Подводя итог краткому обзору древнегреческой историографии, следует отметить, что «каждый греко-римский

¹ Геродот. *История в девяти томах* / Геродот. Ленинград: Наука, 1972.

² Фукидид. *История* / Фукидид. Ленинград: Наука, 1981.

историк писал, имея перед собой три взаимосвязанные цели, хотя акценты могли быть самыми разнообразными. История должна была быть *правдивой, полезной и развлекательной* [выделено автором], но не развлекательной за счёт правдивости и полезности»¹. Правдивость в первую очередь подразумевает максимально объективное изложение произошедшего, полезность предполагает просветительский, назидательный и обучающий характер написанного, а целью развлекательности является получение удовольствия от прочтения произведения.

Дошедшая до нас в трёхчастном каноне «Закон – Пророки – Писания» израильская историография отлична от той, что мы рассматривали до сих пор. Отличие это в первую очередь обусловлено ключевым вопросом историографии – её назначением. Еврейские историки почти не говорят о своих целях прямо, однако это ни в коем случае не означает, что их нет. Назначение библейской историографии, о чём свидетельствует характер повествования и авторско-редакторские резюме, состоит в наделении читающих и слушающих конкретными ориентирами. «Эти религиозные и политические ориентиры сосредотачивают внимание на последствиях верности/неверности Яхве и Его завету»².

Так, к примеру, краткие жизнеописания монархов и итоги их правления сопровождаются богословской характеристикой царской деятельности: «творил дела, угодные Господу» (см. 3 Цар. 15:11; 22:43; 4 Цар. 12:2 и так далее) / «творил дела ненавистные Господу» (см. 3 Цар. 15:26, 34; 16:19 и так далее), а сами цари в зависимости от места их правления – Иудея или Израиль – оцениваются в контексте двух известных имён прошлого: Давида (3 Цар. 15:3, 11 и так далее) и Иероваама (3 Цар. 15:34; 16:7, 19, 26, 31 и так далее). Таким образом, сплетённая воедино из лоскутков многочисленных источников еврейская история вполне

¹ Ауни, Д. *Новый завет и его литературное окружение* / Д. Ауни. СПб.: РБО, 2000. С. 94.

² Ауни, Д. *Новый завет и его литературное окружение*. С. 103.

предсказуема, поскольку Яхве дал конкретные критерии, на основании которых он будет оценивать свой народ. Благословение или проклятие, процветание или прозябание, благо или бедствие, как нации, так и отдельно взятых людей, зависят от послушания/непослушания условиям завета.

Иудейской историографии свойственна глубокая богословская рефлексия и творческий подход в осмыслении истории. Ветхозаветные исследователи отмечают: «Следует обратить внимание на гибкость и художественность, присущие еврейскому взгляду на прошлое»¹. Если сопоставить два исторических повествования, вошедших в канон Священных Писаний Израиля: девтеронимическую историю и историю хрониста, то становится очевидным, сколь важное место в библейской историографии отводилось богословской интерпретации и воображению. Книги Паралипоменон во многом являются переосмыслением истории, изложенной в Пятикнижии и Ранних пророках, о чём свидетельствуют периодически упоминающиеся в них ссылки (см. 2 Пар. 16:11; 24, 27; 25:4, 26; 27:7; 28:26; 32:32 и так далее). Обе версии библейского метанарратива едины в точке отсчёта своего повествования: летописец, как и его предшественники, выбирает в качестве начала рассказа фигуру Адама (ср. Быт. 1:1 – 2:25 и 1 Пар. 1:1). И девтеронимическая история, и история хрониста, хотя и преследуют несколько отличающиеся друг от друга цели, сталкиваются с необходимостью осмысления и интерпретации трагедии 586 года до Р. Х., однако решают они эту проблему по-разному. Четвёртая книга Царств в качестве заключительного эпизода выбирает историю освобождения иудейского царя Иехонии вавилонским царём Евилмеродахом (4 Цар. 25:27-30, см. Иер. 52:31-34). Что бы могла значить подобная концовка в контексте плена, рабства и угрозы исчезновения давидической монархии? О чём хочет сказать историк, сообщая об освобождении иудейского монарха

¹ Брюггеман, У. *Введение в Ветхий Завет. Канон и христианское воображение* / У. Брюггеман. М.: ББИ, 2009. С. 494.

после 37-летнего пребывания в заключении? Вторая книга Паралипоменон, для автора которой отсутствие царя на престоле Давида, по-видимому, было данностью, ничего не говорит об освобождении Иехонии. Она, в отличие от девтерономической истории, связывает надежды народа Божьего с повелением о восстановлении иерусалимского Храма, изданным персидским царём Киrom Великим (2 Пар. 36:22-23). Может быть хронист подобно Второисае (см. Ис. 45:1) увидел в Кире помазанника? Какую весть стремился донести автор, поставив в качестве заключительного эпизода своего произведения историю о благосклонности персидского монарха к Израилю? Из краткого сравнения двух повествований мы видим, как избирательно относятся к историческим фактам иудео-израильские историографы и как творчески они подходят к осмыслению событий прошлого.

Суть библейского изложения истории нельзя свести к стремлению объективного описания фактов, о чём богодухновенные писатели не всегда заботились, или к назидательному наставлению для будущих поколений. Смысл истории кроется в постижении Бога, в формировании с Ним добрых отношений, в надежде, даруемой свыше. Голые факты, констатирующие реальность плена, разрушение Храма, исчезновение монархии, как бы точно и хорошо они не были изложены, не способны дать надежду. Они безжизненны и холодны, подобно тысячам иудеев, павших от меча вавилонских завоевателей. Лишь осмысление истории, взгляд в сердцевину, в глубину происходящего, устремлённость сквозь историю к Создателю, к Первопричине, к Тому, Кто есть Альфа и Омега, Начало и Конец, способен вдохнуть жизнь в то, что, казалось бы, обречено на смерть.

Еврейскую историографию можно сравнить с прямоугольной системой координат, в которой ось y характеризует стремление к Богу, что соответствует первой заповеди: «Люби Господа Бога» (Втор. 6:5), а ось x – отношения завета, что соответствует второй заповеди: «Люби ближнего твоего» (Лев. 19:18). Таким образом, цель истории за-

ключается в том, чтобы читающий или слушающие посредством осмысления происходящего, глубокой богословской рефлексии могли бы определить своё местонахождение в системе координат, сделать соответствующие выводы и избрать дальнейшее направление своей жизни.

Если сопоставить греко-римскую и израильско-иудейскую историографию и попытаться объяснить имеющиеся между ними несходства, то будет очевидно, что различия в восприятии истории обусловлены различиями в мировоззрении. С точки зрения греческой философии наш материальный мир является лишь смутным, тусклым отражением бесконечного мира чистого порядка и чистых форм. К чему изучать небо по его отражению в мутной дождевой воде дорожной лужи, не лучше ли поднять глаза ввысь? Греки считали, что не существует лучшего способа проникнуть в метафизику вневременных законов, кроме логического созерцания неподвластной хроносу вечности. История здесь плохая помощница. Надо сказать, что в языческой мысли история воспринималась «циклически», а время в ней рассматривалось «как вечные серии не имеющих цели циклов»¹. Поэтому в мировоззрении греков истории отводилась педагогическая роль, полезность которой была обусловлена её способностью предупреждать будущие поколения от прошлых ошибок. В такой системе взглядов философия истории была бы сизифовым трудом.

Библейской мысли в отличие от древнегреческой не был присущ дуализм, в ней физическое/материальное не разделялось и не противопоставлялось духовному/нематериальному, потому что первое и второе были взаимосвязаны в едином, неделимом творении. Для иудеев материальный мир являлся делом рук благого Бога, Который подобно птице, высидывающей птенца, небезучастен к происходящему. Еврейская мысль воспринимала историю «линейно», хотя и несколько циклично, в ней была точка начала – творение, и точка конца – эсхатон.

¹ Ауни, Д. *Новый завет и его литературное окружение*. С. 110.

Священные Писания Израиля многократно говорят об участии Яхве в жизни Своего народа. Отсюда следует очевидный вывод, который гласит, что в истории, в конкретное время, в конкретном месте, в конкретном событии происходит Божественное самооткровение. Поэтому история подлежит осмыслению! Николай Бердяев отмечает: «У Платона и Аристотеля нет философии истории. Философия истории начинается в древнем Израиле, в откровении Бога, в истории, в сознании пророков, в книге Даниила»¹. Это и неудивительно, ведь согласно Эрнсту Трельчу философия истории «скорее относится к области мировоззрения, чем исторического исследования»².

Кризис 586 года до Р. Х., рождение философии истории и книга пророка Даниила

Народ Яхве, чьим днём рождения можно считать исход из Египетского плена, обретший некогда в прошлом согласно данному свыше обетованию землю, вдруг лишился всего: свободы, земли, святыни. Историческая реальность, политика ассимиляции, целенаправленно проводимая имперским двором Нововавилонского царства, заставила взглянуть евреев в лицо смерти. Будущность и надежда бесследно таяли, подобно утренней дымке, а настоящее веяло забвением. Но иудеи не исчезли с лица земли! В критический момент национальной катастрофы евреи нашли в себе силы взыскать Бога, и Он открыл Себя им среди пугающих и угрожающих событий настоящего. Так родилась философия истории, или скорее богословие истории, или, может быть, было бы более правильно сказать – теоцентричная философия истории. Исследователи отмечают: «Беды 586 года до Р. Х. – разрушение Иерусалима и Храма вавилонянами, депортация высших слоёв общества – означали фактический конец существования независимого государства Иуда. Они стали поводом для глубоко осмысле-

¹ Бердяев, Н. А. *Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого* / Н. А. Бердяев. М.: Республика, 1993. С. 341.

² Трельч Э. Трельч, Э. *Историзм и его проблемы*. С. 17.

ния причин, сделавших возможной происшедшую катастрофу, и для раздумий о возможных перспективах. Рефлексия над причинами привела к углубленному анализу исторических событий с помощью категорий вины и несчастья как наказания за вину, а также к сознанию того, насколько важны предписания Яхве, данные Его народу при заключении завета с патриархами и на Синае/Хориве»¹.

Наиболее полно, ярко и всесторонне кризис 586 года до Р. Х. был осмыслен в книге пророка Даниила. Пожалуй, это сравнительно небольшое произведение являет собой наиболее зрелую философию истории, сформировавшуюся в среде израильско-иудейской историографии. Осмысление истории вкупе с апокалиптическим языком позволило автору подняться на новые высоты, достичь новых горизонтов, затронуть доселе нетронутые пласты смысла, проникнуть в глубины, недоступные его предшественникам. Он как никто другой до него смог в своей книге выразить мысль, что история обусловлена сверхисторическими событиями, что в ней содержится смысл, её превосходящий.

Жизнь в условиях несвободы, исповедание своей веры в контексте нетерпимости со стороны царствующей идеологии, чередующиеся с временами лояльности, изменчивой симпатией правящей верхушки и относительной независимостью, были плодородной почвой для осмысления истории. Пауль Тиллих в своей работе «Каирос» утверждает, что именно в подобное время и появилась философия истории: «Первая великая философия истории родилась из острого ощущения двойственности и конфликта. Борьба света и тьмы, добра и зла составляет её сущность. Мировая история есть следствие этого конфликта»². Наследие израильско-иудейской историографии, со свойственным ему стремлением увидеть Яхве в событиях человеческой исто-

¹ *Введение в Ветхий Завет* / под ред. Э. Ценгера. М.: ББИ, 2008. С. 234.

² Тиллих, П. *Избранное: Теология культуры* / П. Тиллих. М.: Юрист, 1995. С. 219.

рии, кризис 586 года до Р. Х., ставший катализатором осмысления прошлого и настоящего в свете отношений завета, и борьба евреев со сменяющимися друг друга языческими империями, во власти которых они находились, – создали все необходимые условия для появления первой полноценной философии истории.